

UDC 303.01

DOI: 10.30936/1606_951X_2022_24_3_4_108_129

С.Г. ИЛЬИНСКАЯ, Е.А. СИРИНА

ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ВЫЯВЛЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНСТРУКТОВ

***Аннотация:** Преодолеть кризис социальных наук помогает синтез знаний, полученных в рамках отдельных дисциплин. Дискурсивные исследования, объединившие социальных философов, лингвистов, социологов, психологов и антропологов, – мощное междисциплинарное течение, которое предлагает «новую онтологию» и предоставляет инструменты для изучения явлений, плохо поддающихся анализу в рамках стандартных подходов.*

В данной статье поднимаются проблемы междисциплинарности в социальных науках, а также неустранимости идеологической составляющей из социополитического знания. Предлагается знакомство с методикой анализа текстов, применяемой с целью выявления идеологических конструктов, встроенных в любой дискурс, будь то повседневные разговоры или вопросы, которые задаются респондентам в ходе массовых опросов. Иметь такие базовые представления о наработках дискурс-анализа крайне важно, как для ученых-обществоведов, так и для граждан, желающих ответственно подходить к собственному политическому поведению.

***Abstract:** The article deals with the problems of interdisciplinarity of the social sciences and the inseparability of the ideological component from socio-political knowledge, which largely contributes to the crisis of the social sciences. An interdisciplinary approach called discursive analysis (or discursive studies) accumulates knowledge gained in social philosophy, sociology and political science, linguistics and psychology. It offers an ontology that allows combining approaches, theories and research methodology with a different ontological base, and therefore, solutions to a series of problems.*

Ильинская Светлана Геннадьевна – кандидат политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора философских проблем политики Института философии РАН (Москва). E-mail: svetlana_ilinska@mail.ru;

Сирина Екатерина Артуровна – магистр социологии, соискатель Института философии РАН (Москва). E-mail: ekasirina@gmail.com.

The article also offers an introduction to the text analysis methodology developed within discourse analysis and used to identify ideological constructs embedded in any discourse, whether it be everyday conversations or questions that are asked to respondents during mass surveys. The authors believe that their basic understanding of the developments of discourse analysis is extremely important, both for social scientists and for citizens who want to take a responsible approach to their own political behavior.

Ключевые слова: междисциплинарные исследования, идеология, рациональность, критический дискурс-анализ, идеологические дискурсивные стратегии, когнитивный лингвистический подход, концептуализация, легитимация, позиционирование, идентификация.

Keywords: interdisciplinary studies, ideology, rationality, critical discourse studies, ideological discursive strategies, cognitive linguistic approach, conceptualization, legitimation, positioning, identification.

Введение

Одно из мощных междисциплинарных течений, включающее в себя набор школ, концепций и подходов, разделяющих (пусть и с разными вариациями) специфическую онтологию, — *дискурсивные исследования* (или дискурс-анализ). Принятие идеи о тотальной конструирующей и конституирующей роли языка принципиально меняет взгляд на многие социальные науки, их методологию и научное знание в совокупности.

К этой идее ученые шли разными путями, и значимый вклад в её разработку внесли не только те из них, кто непосредственно занимается изучением языковых явлений, но и философы, социологи и антропологи, психологи, культурологи и политологи. При этом отправной точкой для интереса к дискурс-анализу часто становилась необходимость решения чисто практических задач, невыполнимых с точки зрения привычных подходов и инструментов. В результате появилась возможность достаточно полноценно изучать такие «смутные» для анализа феномены как идеологию и культуру. «Зачатки» предлагаемой онтологии можно найти у многих классиков, включая Карла Маркса и Макса Вебера. Наиболее значимы для философии дискурсивных исследований работы Л. Витгенштейна, Ж. Лакана, Ф. де Соссюра, А. Грамши, Л. Альтюссера, представителей Франкфуртской школы. «Современные классики» данного подхода — Мишель Фуко, Шанталь Муфф и Эрнест Лакло, Славой Жижек и др. Но это, конечно, неполный список.

Наиболее активно сегодня развиваются такие направления дискурс-анализа, как «критические дискурсивные исследования» и «постструктуралистский дискурс-анализ». Первое — исторически наиболее тесно сопряжено с лингвистикой, а читаемые в университетах курсы часто «привязаны» к лингвистическим факультетам, хотя и имеют ярко выраженный междисциплинарный характер. Наиболее известные в России имена, которые ассоциируются с критическим дискурс-анализом: Тён Ван Дейк и Норман Фэркло. Постструктуралистский дискурс-анализ, в свою

очередь, связан с так называемой «Эссекской школой», основанной Муфф и Лакло, и предполагает, прежде всего, глубокую социально-философскую проработку вопроса.

Оба направления объединяют немало ученых, придерживающихся различных подходов, вбирающих в себя множество новых идей, — суть междисциплинарности заключается в широте обзора, обеспечиваемой взаимодействием применяемых знаний, а не их конкуренцией. Допускаются гибкое использование и комбинация любых релевантных методов при условии обозначения стоящей за ним онтологической позиции и теоретической парадигмы. В рамках самих дискурсивных исследований также было разработано немало интересных инструментов. Представляется, что знакомство с ними будет полезным представителям многих социальных дисциплин, поскольку анализ текстов и процессов коммуникации, а также стоящей за ними «картины мира» (в т.ч. исследовательской), — крайне необходимая в социальных науках процедура.

В данной работе представлена менее известная российскому читателю методика Кристофера Харта, позиционирующего себя как приверженца критических дискурсивных исследований, основанных на лингвистических подходах (критический анализ метафор и т.п.) и когнитивной психологии, поскольку она в наибольшей степени даёт представление о междисциплинарном подходе как способе изучения «смутных» явлений и решения «трудных» вопросов. А также, на основе её совмещения с контекстуалистским подходом Лакло-Муфф, сделан ряд выводов о необходимости преодоления либерально-универсалистской гегемонии в отечественном обществоведении.

О неустранимости идеологической компоненты из любого типа дискурса (от обыденного до научного)

Концепция культурной гегемонии, сформулированная А. Грамши, утверждает, что в основе стабильности (или изменений) социальных структур лежит господствующее мировоззрение [4]. По мнению его комментаторов и последователей, итальянский мыслитель предложил новую онтологию, ставшую базовой для тех теорий, которые при анализе социальной реальности главенствующую роль отводят коммуникации.

Значимой (если не главной) движущей силой социальных процессов, по Грамши, является идеология, понимаемая как мировоззрение, включающее в себя неосознанные коллективные установки. Именно мировоззрение определяет конечный выбор и действие, и они могут существенно отличаться от декларируемых целей. Мировоззрение (или идеология) по Грамши основано на языке со своим «набором понятий и представлений», «обыденном сознании и здравом смысле», а также вере, которая может быть воплощена как в религии, так и «во всем комплексе народных верований, суеверий, мнений, воззрений, образов действий» [4, 4]. Поскольку установки, определяющие выбор и действие, не осознаваемы и являются «встроенными» про-

изводными культуры, возникает принципиальная невозможность подлинной объективности и «относительность» любой рациональности.

Близкие к Грамши идеи можно найти, например, у Альтюссера [1]. Во многом основанная на его идеях Грамши концепция Лакло-Муфф доводит идею культурной гегемонии, воплощенной в дискурсе, до логического завершения — именно дискурс, как выражение идеологии, по их мнению, конструирует реальность [20].

Схожие идеи (пусть и концептуализированные по-иному) можно найти у философов науки, причем именно у тех из них, кто оказал революционное влияние на её понимание: Витгенштейна, Куна, Поппера, Фейерабенда [3; 6; 11; 15]. Эти идеи приводят нас к мысли о том, что любое знание (даже естественнонаучное) несёт в себе идеологию, а уж социогуманитарное знание внеидеологичным в принципе не бывает. В особенности, это касается знания политического.

Попытки отделить объективные основания науки от субъективной интерпретации, как показывают, например, Кун и Бернштейн, основаны на непонимании природы реальной практики научного исследования и неправильной интерпретации гуманитарных и социальных наук (см., напр.: [16]). Здесь уместно вспомнить, вероятно, до сих пор актуальное замечание В. Дильтея, высказанное в конце XIX в. В предисловии к «Введению в науку о духе» он писал, что если до середины XVIII в. «науки об обществе и истории» находились в «услужении у метафизики», то потом их поработили естественные науки. При этом новое порабощение оказалось не менее гнетущим, чем старое [5, 27].

Позиционируя себя как высшую форму познания, научное знание зачастую отрешивается от своих корней, «забывая», что сформировалось оно на основе обыденного, стихийного эмпирического познания, благодаря которому ещё в древнейшие времена человечество накопило значительный объем сведений о мире, создало основы математики и астрономии, инженерного дела. Античные философы, ссылки на которых можно найти у любого представителя социальных и гуманитарных, да и естественных наук тоже, размышляли о законах природы и общества, обращались к вопросам политики и культуры, познания как такового. Их знание, заложившее основу для появления современных наук, с точки зрения последних, считается «донаучной формой знания».

Опорой в науке до сих пор служит обыденное сознание, сколь бы высокомерно наука к нему не относилась. В то же время, оно, будучи продуктом истории, культуры и идеологии [4], никак не может являться основанием, понятным для всех, поскольку метафоры одной культуры далеко не всегда понимаются членами другой.

На практике ученые для того, чтобы описать реальность, не сводимую к проекции «объективно-предметного отражения мира» и не описываемую полноценно на этом языке, нередко прибегают к метафорам или пытаются создавать сложнейшие логические построения.

Кун зафиксировал своего рода «комплекс», который испытывают даже лучшие социальные мыслители по отношению к представителям «более научных» естественных дисциплин, имея в голове определенный их образ, «решительно неприемлемый» для него самого. Обнаруженное им в методологических работах Макса Вебера, сочинении Эрнста Кассирера «Очерки о человеке» и других трудах социальных ученых описание социального знания «оказалось близко к тому способу описания», которое он хотел предложить для естественных наук. В то же время ученого удивили замечания авторов, полагавших, что сказанное ими относится только к социальным наукам, в то время как естественные науки «являются чем-то иным». Как замечает Кун, затем «следовало относительно стандартное, квазипозитивистское и эмпирическое истолкование естествознания, т.е. то самое», которое он надеялся устранить.

Томас Кун утверждал, что «в естественных науках, как и в гуманитарных, не существует нейтрального, независимого от культуры, множества категорий, с помощью которого можно описывать совокупности объектов или действий» (см. прим. 4). Герменевтический базис науки конкретного периода напоминает один из смыслов слова «парадигма». Усвоенная от учителей парадигма используется в функции, характерной для любой науки.

Обращая свой взгляд в прошлое, Кун заметил, что «часть того, что говорится в обоснование невозможности нормального исследования в гуманитарных науках, два столетия назад говорилось в защиту невозможности науки химии, а столетие позже — о невозможности науки о живых организмах» (биологии). Социальные науки (в особенности экономика и психология), по его мнению, продвинулись дальше, чем гуманитарные, в направлении, пройденном естественнонаучным знанием. «Различия между естественными и гуманитарными науками есть, но я не знаю, носят ли они принципиальный характер или являются лишь следствием неравной степени зрелости этих двух областей», — подытожил он [6, 298-307].

Опираясь на выработанные в борьбе с мифологизированной картиной мира принципы рациональности, наука пытается найти «твердую почву», с одной стороны, признавая сложность разделения обыденного и научного познания (ведь «элементы объективно-предметного отражения мира, являющегося критерием научного познания, содержатся и в обыденном стихийно-эмпирическом познании»), с другой, пытаясь выделить «только предметную сторону бытия» и всё рассмотреть «сквозь призму этой структуры» [14, 27], создавая тем самым новую мифологию.

Рациональность стала частью научного языка, даже если на этом языке высказываются сомнения по поводу её самой. Кун и Лакатос «расширили понятие рациональности», Фейерабенд выступил против любых «попыток сформулировать понятие научной рациональности» [10, 6]. Но, концептуально отвергая правила в науке, Фейерабенд следующим шагом сам же предложил правила пролиферации, сформулированные по аналогии с биологическими законами [15, 7]. В языковых конструкциях отрицание всегда

предусматривает существование отрицаемого. Даже признавая невозможность рациональности [20], мы пытаемся ее описать на научном языке, а, следовательно, рационализировать окружающую действительность.

Поппер также был согласен с трактовкой научного знания «как расширения обычного, или обыденного, знания» [11, 39], а попытки провести жесткую границу и пренебрежение возможностями обыденного познания, по его мнению, лишь приводят к искажению реальности. «Наиболее волнующие проблемы эпистемологии должны остаться совершенно незамеченными теми, кто ограничивает себя только анализом обычного, или обыденного, знания», — писал он. Те же, кто занимается анализом «научного познания», как правило, сосредоточены на задаче создания «полноценной работающей модели языка науки — модели, в которой мы могли бы оперировать с реальной наукой типа физики» [11, 42]. Но, поскольку выполнение этой задачи «на практике оказалось затруднительным», «философы были вынуждены заниматься построением сложных работающих моделей в миниатюре — громоздких систем, состоящих из мелких деталей». При этом, как считал Поппер, такие модели «языка науки», «не имеют ничего общего с языком современной науки», «существенно беднее обыденных языков, даже наиболее простых». «“Языка науки” как особого объекта, по всей видимости, вообще не существует», — сделал он вывод [11].

Если наука «не может сконструировать предмет и представить его “естественную жизнь”, определяемую сущностными связями», то на этом кончаются её притязания, таким образом, «в субъектном бытии не все состояния могут быть исчерпаны научным знанием» [14, 28].

Но как же в этом случае быть с предсказательной задачей социальных и гуманитарных наук, с задачей «регулировать человеческую деятельность»? Институциональный статус науки позволяет ей претендовать на экспертизу, предшествующую принятию решений, в т.ч. на государственном уровне. «Взгляды, культивируемые экономической теорией и редуцирующие социальные связи ...наглядно воплощаются в экономической политике и в действиях законодателей» [12, 263]. Например, основанное на модели, предложенной ещё классиком экономической теории А. Смитом, убеждение экономистов, а вслед за ними и политиков, заключается в том, что наличие связей между хозяйственными субъектами, являющимися прямыми конкурентами, означает конец свободной конкуренции. В результате выпускаются соответствующие законы, регулирующие отношения хозяйственных субъектов. Эмпирические данные, полученные В.В. Радаевым, а также другими экономическими социологами в России и за рубежом, доказывают, что прямой зависимости, подтверждающей «конвенциональную» модель, нет [12].

Результаты подобных исследований вызывают вопрос, являются ли государственные регулятивные меры, основанные на «идеальных моделях», которыми оперируют экономисты, реально способствующими успешному функционированию экономической сферы. И, конечно, возникает более

сложный вопрос: насколько в целом социальные теории, редуцирующие живую действительность к моделям, могут служить основой для каких-либо практических выводов.

Так, Шанталь Муфф (вслед за другими политическими учеными) считает, что доминирующая на Западе политическая теория, лежащая в основе устройства либерально-демократических государств, неспособна справиться с современными вызовами, именно потому, что основана на модели рационалистического мировоззрения той самой «универсализирующей и гомогенизирующей формы, характерной для большей части либеральной теории со времен Гоббса» [9, 153]. Эта модель предполагает, что «задача политической теории заключается в том, чтобы установить универсальные истины, обязательные для всех, независимо от историко- культурного контекста» [9, 155].

Муфф ссылается на поздние сочинения Витгенштейна, в которых, по её мнению, можно найти множество прозрений, «которые могут помочь нам не только увидеть пределы рационалистического мировоззрения, но и преодолеть их» [9, 154]. Это, прежде всего, необходимость признания многообразия и противоречий, связанных с существованием множественности языков. Подход, который Муфф называет «контекстуалистским», безусловно, испытывает влияние Витгенштейна, а его представители задаются вопросами, можно ли считать либеральную демократию единственной из множества возможных форм совместного существования людей, и не является ли она продуктом конкретной истории, зависимой от специфических культурных, географических и исторических условий. Ответы, которые предлагают контекстуалисты, предполагают, что существование точки зрения, внешней по отношению к практикам и институтам конкретной культуры, невозможно, и, следовательно, нет точки зрения, которая позволяла бы выносить универсальные, независимые от контекста, суждения. Муфф приводит высказывание Уолцера о том, что теоретик должен «остаться в пещере» и полностью согласиться со своим статусом члена конкретного сообщества, а роль его заключается в разъяснении своим согражданам мира общих для них значений и смыслов» (цит. по: [9, 153]). Формулировка Уолцера обращает нас к теме идеологии в науке. По замечанию Муфф, сомнению подвергается сама «природа политической теории» и, в равной степени, то же сомнение можно транслировать на «природу» других социальных теорий.

Исходя из подхода Грамши и его последователей, наука, существуя в истории, в той же мере влияет на коллективное бессознательное, в какой сама является продуктом коллективного бессознательного, в т.ч. специфического коллективного бессознательного, принадлежащего конкретному научному сообществу.

Для последователей Грамши и приверженцев коммуникативного подхода «идеология скрыто содержится во всех индивидуальных и коллективных проявлениях жизни — в искусстве и праве, в экономической деятель-

ности» [4, 23]. Идеологию в науку привносит всё то, что связано с обыденным мышлением, поскольку природа обыденного познания идеологизирована и мифологизирована. Значение идеологии несомненно даже для наук естественных [6; 11; 15]. Сама передача понятийного аппарата науки происходит по «идеологическим законам», именно поэтому можно говорить об идеологии отдельных дисциплин, школ. Как замечает Кун, «в любой период естественные науки опирались на множество понятий, которые каждое новое поколение усваивало непосредственно от предшествующего поколения. Это множество понятий формируется исторически, оно включено в культуру, к которой новые члены приобщаются». Парадигма также является формой идеологии. Но если для наук естественных существуют более устойчивые парадигмы, то такой устойчивости нельзя ожидать, когда речь идет об изучении социальных или политических систем [6].

Передавая набор понятий, наука передает рациональность как часть идеологии. Таким образом, идеология существует и внутри науки и определенным образом влияет на её функционирование. В то же время в эпоху постмодерна наука сама становится идеологией массового сознания, заменяя собой религию. Картина мира современного человека была создана во многом наукой. При этом так же, как и религия, наука воспринимается некритично. Люди используют наукообразные выражения, вырванные из системного научного знания, или отдельные положения, взятые без контекста высказывания, или ссылки на научные авторитеты. «Ученые обнаружили», это выражение стало символом того, как массовая культура формирует сомнительного качества мосты между наукой и обыденным сознанием.

Стоит отметить, что современная нам наука и как вид деятельности, и как институт, серьезно отличается от той науки, которую описывали ее философы и историки в начале XX в., и даже во второй половине прошлого столетия. Эту трансформацию процессов в сфере духовного производства именно Грамши предвидел ещё в 1920-х гг., когда описал, пусть фрагментарно, грядущие изменения социальных механизмов культуры (на это обращал внимание, например, Мамардашвили [7, 235]). Категория интеллигенции, в т.ч. научной интеллигенции, постоянно расширяется, обретает статус «массовости» взамен былой элитарности, происходит стандартизация, как в квалификации, так и в умах её представителей. Грамши писал и о формировании рынка интеллектуального труда, со свойственными любому рынку конкуренцией, формированием профсоюзов и т.д.

Помимо важной для науки установки на «радость познания» на практике работают и другие установки, входящие с ней в противоречие. Это, например, «культ успеха», пропагандируемый капиталистическим обществом и подталкивающий членов научного сообщества к борьбе за статус, в результате которой стремление к истине отходит на второй план. Наука зависит (в т.ч. и финансово) от государства, корпораций, общественного мнения, которые слабо представляют себе, чем занимаются «люди, удовлетворяющие свое любопытство за счет налогоплательщиков». Наука, в

свою очередь, вынуждена защищаться. Особенно защитные функции актуальны для социальных и гуманитарных наук, которые в принципе не могут предложить конкретный практический результат в виде айфона или атомной бомбы.

Любая деятельность всегда регулируется определенными ценностями и целями [14]. Но, как это часто бывает, декларируемые цели могут сильно отличаться от подлинных [15], «между интеллектуальным актом и нормой поведения обнаруживается противоречие... И только по конкретным действиям можно судить, какое мировоззрение обнаружит себя подлинным» [4, 12].

Тезисы о рациональности, чаще всего достаточно успешно работающие в случае наук о природе, вызывают вопросы, когда речь идет о социальных науках. Витгенштейнианская перспектива, по мнению Муффа, «требует не теории истины и понятий, наподобие безусловности и универсальной обоснованности», а многообразия практик, направленных, например, на убеждение людей в необходимости расширения обязательств по отношению к другим, для того, что построить более солидарное общество. То есть, возможно, «новейшая моральная и политическая теория занимается не теми вопросами» [9, 157].

Если способность к рефлексии является отличительной чертой научного мышления, то именно наука способна анализировать те паттерны, которые мешают ей развиваться согласно принципам, которые служили опорой для ее лучших представителей и были описаны как «идеальные правила» науки. Это такие как: «любой учёный принимает в качестве одной из основных установок научной деятельности поиск истины, воспринимая истину как высшую ценность науки»; «перед лицом истины все исследователи равны и никакие прошлые заслуги не принимаются во внимание, если речь идёт о научных доказательствах» [14, 28] и т.д.

Преимущество науки заключается в способности анализировать своё бессознательное и производить людей, способных к анализу во всех областях знания. Но существующие институты образования, во многом из-за опоры на «принципы рациональности», вырабатывают практики, способствующие восприятию науки как набора догм, вместо того, чтобы учить мыслить, критиковать и «воображать». В то время как задача воспитания и обучения человека должна быть направлена на то, чтобы «достигнув зрелости, он мог сознательно, и потому свободно, сделать выбор между различными формами идеологии и деятельности» [15].

То есть суть науки, кроме прочего, заключается в подготовке определенного рода мыслящих людей. И хотя современное общество постепенно приходит к пониманию, что для успешного решения самых разнообразных проблем необходимы люди, умеющие принимать нестандартные решения, способные переосмысливать сложившиеся практики, тем не менее «жрецы» господствующих ныне в гуманитарных и социальных науках либеральных течений «неспособны понять и не хотят простить иных идеоло-

гий», а поскольку «у них есть сила осуществлять свои желания», то «эту силу они используют точно так же, как их предки использовали свою силу для того, чтобы навязать христианство всем тем, кого они встречали на пути своих завоеваний» [15, 299].

Ситуация усугубляется тем, что система массового обучения (в которой учат запоминать, но не думать) транслирует науку как набор постулатов, и, несмотря на декларации обратного, такая наука на практике лишается своего главного достоинства, отличающего её от обыденного знания, – постоянной рефлексии.

Когнитивно-лингвистический подход как средство выявления идеологических конструктов

Применение междисциплинарного когнитивно-лингвистического подхода позволяет увидеть, как конкретные лингвистические конструкции в дискурсе воплощают определенные идеологические установки.

Большинство когнитивных процессов реализуется при участии языка. Эта ключевая идея когнитивной лингвистики определяет вклад когнитивно-лингвистического подхода во внушительное исследовательское направление под общим названием «критические дискурсивные исследования». Приверженцы рассматриваемой методологии полагают, что образование смыслов происходит как на уровне лексики, так и грамматики: слова и грамматические конструкции в равной степени имеют символическое значение. Разница между ними – всего лишь вопрос уровня абстракции. Грамматические конструкции являются смыслообразующими благодаря вызываемым ими абстрактным образам. Таким образом, язык рассматривается как концептуальная система, в которой нет принципиального разделения между грамматикой и лексикой.

Еще одно ключевое утверждение когнитивной лингвистики заключается в том, что язык «встроен» в опыт нашего тела и взаимодействия с окружающей средой, который мы получаем на физическом уровне. Он состоит из визуально-пространственного, кинетического и телесного опыта, а также опыта наблюдения физических явлений. Как следствие, язык не может рассматриваться как автономная система, отдельная от других способов познания. Когнитивные процессы, задействованные в построении и обработке лингвистических конструктов, – это проявления общих когнитивных процессов, которые поддерживают и нелингвистические способы познания, включая непосредственное восприятие.

В основе теории когнитивно-лингвистического подхода лежат понятия *концептуализации* и *конструкта*. Концептуализация – динамический когнитивный процесс, участвующий в производстве смыслов по ходу развертывания дискурса. Локальные ментальные представления создаются при участии и взаимодействии базовых когнитивных способностей, знаний и языка. Конструкты представляют собой различные языковые способы концептуализации одной и той же «сцены». Операции по созданию таких кон-

структур проводятся при участии нескольких когнитивных систем и реализуют различные дискурсивные стратегии, которые могут иметь отличную идеологическую направленность.

Использование когнитивной лингвистики в критических дискурсивных исследованиях в настоящее время является общепринятой практикой. Опишем общую схему анализа, подробно разработанную Кристофером Хартом, авторитетным лингвистом из Ланкастерского университета, фокус внимания которого сосредоточен на процессе обработки представленной в тексте информации когнитивной системой воспринимающего, а основной исследовательский интерес направлен на когнитивный перенос лингвистических (лексических и грамматических) конструкций или когнитивное соответствие [23]. Суть данного процесса заключается в степени влияния (и её измеримости) различных лингвистических структур на то, как воспринимается описываемая ситуация через когнитивные структуры человека, участвующие в мотивации, поддержке и оправдании социального действия [2].

Когнитивный перенос рассматривается в терминах структур и процессов концептуализации, которые лингвистические конструкции активизируют в сознании аудитории. В процессе обработки конкретного дискурса оперативная память воспринимающего выстраивает временные структуры, которые потом могут исчезать. Однако, если они регулярно активизируются с помощью повторения, а также поддерживаются иными способами, то могут создаваться более постоянные структуры в форме фреймов или концептуальных метафор, что будет обеспечивать когнитивную базу идеологии.

Поэтому ключевая задача когнитивной лингвистики — обнажить те структуры и конструкции, которые конституируют идеологии. В частности, изучается языковое структурирование таких базовых мыслительных категорий, как пространство и время, сущности и процессы, события и их контекст, движение и локализация, силы и причинные связи, которые в дискурсе могут нести идеологическую нагрузку. Создание и поддержание образцов установок и ценностных паттернов, за которыми стоят конкретные интересы, составляющее идеологический потенциал языка, реализуемый только через концептуализации и осуществляемый при обработке дискурса. Задача исследователя, использующего данный подход, — их раскрыть.

Язык участвует в построении альтернативных конструктов, позволяющих «увидеть» событие или ситуацию тем или иным образом. То, что мы воспримем, будет зависеть от параметров концептуализации: на чем мы акцентируем внимание, какую «оптику» используем, от положения наблюдателя, от того, наблюдаем ли мы сцену непосредственно или опосредованно [21]. При этом в определенных условиях эти конструкты отражают различные идеологические *дискурсивные стратегии*, легитимирующие или делегитимирующие то или иное представление о реальности.

Табл. 1. Операции по построению конструктов в когнитивно-лингвистическом подходе [18]

		Система	Гештальт (целостный образ)	Сравнение	Внимание	Обретение перспективы
Стратегия						
Структурная конфигурация			Схематизация			
Фрейминг				Категоризация		
				Метафоры		
Идентификация					Фигура и фон (главное и второстепенное)	
					Детализация	
					Кадрирование (см. прим. 5) (выбор «рамки обзора»)	
Позиционирование						Точка зрения
						Указания

Дискурсивная стратегия – это более или менее институционализированный план дискурсивных практик, развертывание которого в конечном итоге оказывает влияние на социальные действия [22]. Дискурсивные практики включают в себя как лингвистическое, так и концептуальное измерения. Воздействия высказывания на адресата (так называемые перлокутивные эффекты, при которых принимаются во внимание только те изменения, к которым приводит понимание; например, адресат может испугаться, убедиться в собственной правоте/неправоте, совершить требуемый поступок и др.) осуществляются через концептуализацию в определенных локусах.

В когнитивно-лингвистическом подходе рассматриваются четыре типа дискурсивных стратегий: *структурная конфигурация*, *фрейминг*, *идентификация* и *позиционирование*. В таблице 1 представлены виды операций по созданию конструктов, реализующие эти стратегии, а также когнитивные системы, на которые они опираются.

Структурная конфигурация – базовая стратегия, реализуемая через схематизацию. Говорящий придаёт описываемой сцене абстрактное образно-схематическое представление, некоторый скелет, на который будут нанизаны другие представления. Это своего рода холистическое представление ситуации или события на уровне топологии и причинно-следственных связей, оно также обозначает основные роли участников. Конструирование здесь основано на тех же принципах и особенностях нашей психики, что и «гештальт» – создание целостного образа на основе «суммирования» его частей. Это схематическое представление, которое позднее будет более подробно проработано, и воспринимающий получит дополнительные спецификации.

При помощи структурной конфигурации «говорящий» включает в описываемую сцену определенные абстрактно-схематические представления.

«Образ-схема» (см. прим. 6) — понятие, описывающее структуры знания, основанные на образцах долингвистического опыта, «наивных теориях» об устройстве мира и составляющие содержательную основу многих лексических и грамматических единиц. Один из распространенных примеров «образа-схемы» — цепочка действий, также называемая «моделью бильярдного шара». Последовательная передача энергии от агента к реципиенту (иногда с помощью инструмента), приводит к изменению состояния последнего. Например, «цепочка действий» составляет основу предложения, которое описывает физическое взаимодействие между двумя или иногда тремя участниками.

Агент, кодируемый как *субъект*, выступает в качестве *источника* потока энергии, в то время как реципиент, кодируемый как *объект*, поглощает энергию. Предложение может включать и инструмент, выступающий в качестве *передатчика* энергии. Если речь идёт о новостной ленте, транслирующей политические события, то в качестве агента может выступать полиция или (наоборот) протестующие (см. прим. 7), в качестве инструмента — полицейские дубинки или шесты протестующих (бутылки и пр.), в качестве реципиента — протестующие или полиция (соответственно). Так, одни и те же события при применении различных образов-схем в их освещении, с использованием симметричной (двустороннее действие) или асимметричной (однаправленное действие) стратегий, могут быть представлены так, что будут восприняты как события с прямо противоположным смыслом. Идеологическая интерпретация при внешне будто бы беспристрастном изложении протекания конфликта даёт возможность полностью поменять местами восприятие сторон в качестве агрессора и того, кто подвергся агрессии, только за счёт применения соответствующего образа-схемы (см. прим. 8).

Как правило, тот, кто выступает как источник энергии, воспринимается как инициатор действия, и таким образом является единственным, кто несет ответственность за столкновение. Люди чаще всего склонны симпатизировать жертвам насилия и осуждать его инициаторов. Кроме того, большое значение имеет такое базовое разделение, используемое при анализе идеологий в дискурсивных исследованиях, как «группа включения/группа исключения» или «мы/они».

Есть также несколько стратегий для смягчения восприятия роли агрессора. Одна из таких стратегий — схематическое представление события, которое в действительности почти наверняка включает некоторое физическое взаимодействие между агентом и реципиентом, как простого передвижения. В этом случае схематизация скрывает любые физические последствия события для стороны воздействия. Как правило, это достигается за счёт использования эвфемизмов. В когнитивно-лингвистическом подходе метафора — один из наиболее известных инструментов для сокрытия или, наоборот, акцентирования определенных аспектов реальности, за счет чего происходит ослабление или усиление эффекта их восприятия [17].

Такая процедура применяется не только в новостной ленте при освещении актуальных событий и острых конфликтов. При совмещении в рамках критического подхода методологии постструктуралистского и когнитивно-лингвистического дискурс-анализа применительно ко многим направлениям исследований в политических науках (в порядке саморефлексии) немедленно вскрывается идеологическая ангажированность их базисных понятий, сформировавшаяся вследствие доминирования либеральной повестки все последние 30-35 лет.

Так, например, в отечественном понятийном аппарате произошла замена ряда категорий на близкие по значению, но далеко не идентичные: место «капитализма» заняла «рыночная экономика», а «социализма» — «командно-административная система». Первая замена — один из ярчайших примеров категориальной эвфемизации, призванной заретушировать весь комплекс присущих капитализму социальных противоречий, вторая — напротив, пример «негативизации» политической системы, изымающий из смысла названия обозначаемого большое число достижений в вопросах социальной справедливости, которые дал опыт социалистических государств.

Фрейминг основан на способности людей сравнивать опыт в различных областях. Он добавляет новые качества сущностям, участникам действия и процессам, тем самым расширяя и углубляя восприятие события и ситуации. При этом то, какие качества добавятся, зависит от уже имеющихся у реципиента знаний. Соответственно, результатом фрейминга у разных людей могут стать различные оценки и логические выводы, которые будут включены в общую концептуализацию.

В когнитивной лингвистике фреймы — это области культурно-специфического опыта, закодированные в долговременной семантической памяти [18]. Они выступают в качестве концептуальной основы для понимания конкретных вещей: когда один из элементов фрейма присутствует в дискурсе, остальные активизируются автоматически. При использовании стратегии фрейминга «говорящий» может сделать концептуально значимыми одни области знания и подавить другие, что приведет к соответствующим логическим выводам и оценкам.

Стратегии фрейминга основаны на нашей способности сравнивать различные области опыта. Базовый инструмент здесь — категоризация, которая включает сравнение. Рассматриваемые сущность, событие или ситуация соотносятся с той областью предшествующего опыта, к которому ранее применялось данное лингвистическое выражение. Идеологическая функция категоризации наиболее четко прослеживается в классификации социальных субъектов. Представив одно и то же событие в виде восстания против законной власти или выступления в защиту своих гражданских прав, можно добиться прямо противоположного эффекта его восприятия. В первом случае категоризация создает фрейм бунта, связанный с вандализмом и насилием, который, скорее всего, вызовет осуждение. Во втором — фрейм демонстрации, вызывающий иные ассоциации.

Таким образом, категоризация действующих лиц как участников беспорядков, в первом случае, и как участников мирного шествия, во втором, вызывает противоположные коннотации: криминала или организованного проявления политического недовольства.

Метафоризация включает сравнение опыта в разных областях. Как правило, более абстрактная (менее изученная) социальная область (целевой домен) сравнивается с более знакомой областью опыта (исходный домен), закодированной в образах-схемах и/или когнитивных фреймах, для того, чтобы наметить структуру и процедуры рассуждения и облегчить его направление в нужную сторону.

Идеология вступает в игру, когда опыт в конкретной области (исходный домен) опосредует и формирует наше понимание предлагаемой ситуации (целевой домен), «подталкивая» к неким «логическим» выводам, вытекающим из метафоры. Метафоры пронизывают повседневный дискурс так же, как и дискурс социально-политический. Те же самые или близкие метафоры могут быть элементом как естественного языка, где их роль относительно безобидна, так и институциональных дискурсов, в которых они могут нести (а могут и не нести) идеологическую нагрузку.

Две концептуальные метафоры, о которых говорит не только К. Харт: «гнев как горячая жидкость в сосуде» и «спор как война». Когда используется тема потенциально опасной жидкости в сосуде, которая «закипел», может выплеснуться из него (аналог в русском языке – это «кипящий котёл»), то такая концептуализация способна вызвать эмоциональный отклик и, кроме того, предполагает необходимость контролировать жидкость. Это приводит к оправданию тактики сдерживания, которая в английском языке в итоге получила название «kettling» (поскольку «the kettle» переводится как «чайник» или «котел»).

Военные метафоры в политическом дискурсе драматизируют противостояние между различными участниками конфликта, формируют их отношение друг к другу как отношения врагов. Помимо этого, милитаризирующие метафоры предполагают некоторую целеустремленность и четкость действий. Использование группы метафор, связанных с образами «бури» («шторма»), напротив, может придать действиям одной из сторон оттенок благородного намерения, а, в основном, усиливает восприятие процессов как стихийных, а действий – как спонтанно развивающихся.

Идентификация реализуется с помощью набора операций, которые называются «фокусными корректировками» и являются проявлениями более общих особенностей распределения и фокусировки внимания. Стратегии идентификации могут стать причиной изменения точки зрения. Они участвуют в формировании стратегий позиционирования, имеющих отношение к построению метафорического пространства и определению относительных «координат» действующих лиц и событий внутри концептуализации. Расположение дискурсивных элементов определяется относительно некоторой предпочтительной точки.

Позиционирование основано на нашем базовом стремлении распределить элементы в модели и определяет как наше собственное место, так и место других элементов по отношению к нему. Речь идет о позициях как в физическом пространстве, так и в эпистемологическом и аксиологическом «пространствах», а также метафорических позициях во времени. Позиционирование «сдвигается», когда концептуально меняется точка зрения (т.е. позиция наблюдателя) и указатели. Существуют различные виды позиционирования: «фигура и фон», где чётко выделено главное и второстепенное; «вид с высоты птичьего полёта», где даётся настолько общая перспектива посредством метонимии и упрощающих конструкций, что она приводит к потере детализации; напротив, подробная детализация ведёт к потере общего смысла и др.

Позиционирование может создаваться с помощью семантики, тогда точка зрения моделируется при помощи общепринятого значения, которое стоит за конкретным лингвистическим выражением. Или при помощи прагматики, тогда точка зрения создается расположением концептуализатора или более широким пространственным, временным, эпистемологическим и аксиологическим «основаниями». Практически все грамматические конструкции включают «образ-схему» с общепризнанным значением и точку зрения — позицию, с которой описывается данная сцена [21, 75]. Таким образом моделируется концептуализация с изначально заложенными смыслами.

Наиболее знакомая модальность, участвующая в создании общей картины — зрительное восприятие. Для когнитивной лингвистики процессы, связанные с языком, являются проявлением более общих процессов, которые находят выражение и в других когнитивных функциях, например, зрении. Существуют очевидные связи между процессами создания смысла, которые описываются в когнитивно-дискурсивном подходе и процессами формирования комплексного визуально-пространственного восприятия.

При этом термины, используемые при описании социального воздействия кинематографа, могут быть адаптированы для описания влияния текстов, поскольку «грамматика» визуального дизайна построена на тех же принципах, что и грамматика языка, и опирается на наш первичный «встроенный» опыт взаимодействия с реальностью. И хотя схожих операций, осуществляемых при обработке визуальной и текстовой информации, множество, две наиболее показательных из них — это панорамирование и масштабирование.

Такая операция, как панорамирование, участвует в формировании точки зрения путём изменения точки обзора, когда «камера» как бы поворачивается, позволяя увидеть происходящее с разных сторон. Это достигается за счёт грамматических различий, в т.ч., за счёт выбора между асимметричными или симметричными схемами действий, последовательности и других особенностей подачи информации.

Асимметричные конструкции предлагают зрителю, читателю или слушателю (концептуализатору), который «находится» на стороне одного из

участников и в оппозиции к другому, принять точку зрения «говорящего». Пространственное расположение элементов подталкивает к видению ситуации с определенной стороны. Симметричные конструкции более нейтральны и позволяют концептуализатору стать активным участником процесса, выбрав одну из альтернативных точек зрения, закодированных в конструкции. Возникает вопрос: что определяет точку зрения? Предполагается, что в симметричных конструкциях — это структура подачи, а в асимметричных — залог.

Даже симметричные конструкции, относительно нейтральные по сравнению с асимметричными, не являются полностью свободными от идеологии. Харт специально со ссылками на Кресса и Ван Ливена обсуждает вопрос о том, какая информация в структуре предложения воспринимается как бесспорная [18; 19]. Предполагается, что информация, расположенная слева, воспринимается как само собой разумеющаяся, а та, что справа, — как спорная, нуждающаяся в доказательстве. Отдельно акцентируется внимание на новостной специфике с её стремлением первой подавать новую информацию (см. прим. 9).

В асимметричных конструкциях дискурса активизирован только один участник, передача энергии является однонаправленной от агента к реципиенту. В этом случае действительный залог (в английском языке — активный) кодирует точку зрения агента, страдательный (соответственно — пассивный) — точку зрения реципиента. Именно здесь можно увидеть, как позиционирование взаимодействует с идентификацией. При использовании действительного залога внимание концептуализатора направлено на агента, таким образом, в стратегии позиционирования «фигура и фон» агент выступает в качестве основной фигуры, а реципиент присутствует как фон.

При использовании страдательного залога, напротив, в качестве основной фигуры выступает реципиент, а агент располагается на заднем плане или даже за пределами актуального фрейма. Таким образом, действительный залог акцентирует роль агента в процессе, в то время как страдательный, напротив, перемещает его на второй план, тем самым отвлекая внимание от его роли в причинно-следственной связи. Вот почему действительный залог может быть использован для того, чтобы подчеркнуть негативные действия «чужих» (out-group) агентов, а страдательный — для того, чтобы завуалировать негативные действия «своих» (in-group) агентов, представив ситуацию как объективно происходящий процесс.

В то же время, нельзя не учитывать, что довольно часто при использовании действительного залога в асимметричных конструкциях концептуализатор видит ситуацию с точки зрения агента, а реципиент выступает для него как источник проблемы. Или страдательный залог побуждает концептуализатора видеть ситуацию с точки зрения реципиента, тогда как агент для него является конфликтующей стороной. В этом случае в асимметричных конструкциях для создания позитивного имиджа «своих» с использованием действительного залога акцент делается, скорее, на действии, при-

нудительно изменяющем месторасположении реципиента, чем на насильственном действии по отношению к нему, что создает более позитивную трактовку поведения активной стороны конфликта.

Поскольку страдательный залог не только дистанцирует агента, но и, как правило, помещает концептуализатора ближе к реципиенту, энергия, передаваемая агентом (в т.ч. с помощью инструмента), воспринимается направленной не только против реципиента, но и против самого концептуализатора. Вследствие чего негативная оценка поведения «чужих», направленного против «своих», иногда может конструироваться с помощью пассивного залога.

Последняя операция конструирования – это *масштабирование*. Так же, как и при фотографировании, этот инструмент используется для изменения расстояния «камеры» от объекта или сцены и выбора «рамки обзора» (кадрирования). В зависимости от выбранного фокуса в кадр может войти больше или меньше элементов сцены. Чем меньше элементов, тем более детально их можно увидеть. Широкоугольная оптика позволяет увеличить угол зрения. Такими же возможностями (средствами концептуализации) обладает язык.

Различные типы когнитивной фокусировки отражают изменения точки зрения при выборе одного из типов представления события и «рамки обзора»: дальний, средний или крупный план. «Рамка обзора» – это объем концептуального содержания, которое в данный момент находится в центре внимания. Наиболее очевидное средство акцентирования конкретных аспектов описываемой ситуации, т.е. их фокусировки (одновременно происходит также позиционирование и идентификация), – их прямое упоминание. Фокусировка и масштабирование позволяют в фоновом режиме выстроить причинно-следственные связи, в т.ч. на уровне взаимодействия социальных акторов. Тем самым осуществляется идеологическая функция. В рассуждениях о политических протестах это часто видно на примере описания полученных участниками увечий. В военных конфликтах – в отражении потерь.

Выбор крупного или среднего плана служит для исключения или включения вопросов причинно-следственной связи. С помощью инструмента масштабирования (или выбора фокусировки) можно как обрезать «рамку обзора», чтобы скрыть причинно-следственные связи, так и расширить её, чтобы включить смягчающие обстоятельства. В этом случае используется дальний план. Любое событие в действительности не является дискретным во времени и причинности. Оно, скорее, часть продолжающейся последовательности причинно-следственных связей. При расширении «рамки обзора» концептуализация берет начало в каком-то предшествующем событии, которое может показываться как непосредственная причина или, по крайней мере, как смягчающий фактор по отношению к основному событию.

Кристофером Хартом был выделен ряд дискурсивных стратегий и операций конструирования образа и была показана их практическая реализация на примере онлайн-публикаций о политических протестах, в частно-

сти, во время лондонской встречи G20 в 2009 г. [18]. Выявленные и продемонстрированные идеологические различия в толковании насилия во время протестов против саммита «Большой двадцатки», отражённые в заголовках репортажей двух изданий («Телеграф» и «Гардиан»), побудили лингвиста сделать ряд выводов о связи между определенными языковыми построениями и идеологическими концептами. В частности, публикации «Телеграф» практически исключали любую возможность насилия со стороны полиции. Материалы «Гардиан» были более уравновешены – здесь также не было акцента на насилии со стороны полиции, но не было и акцента на её невиновности.

Однако Харт прошёл мимо того факта, что обе эти несколько отличные интерпретации находились в рамках в целом идеологически непротиворечивого контекста глобального неолиберального капиталистического дискурса. Точка зрения протестующих совершенно не принималась во внимание обоими изданиями, она никак не была отражена в репортажах. Причины протестов остались за пределами актуального фрейма. Сегодня аналогичным образом неолиберальный консенсус глобальных СМИ единодушно оставляет за пределами «рамки обзора» причины СВО, которую проводит Российская Федерация.

Вместо заключения

В текущем году на страницах журнала «Эпистемология и философия науки» развернулась дискуссия, в которой на стороне «контекстуалистов» (Витгенштейн, Муфф и др.) выступал философ К.А. Родин, а позицию «универсалистов» (с опорой на Гегеля) защищал правовед Д.К. Маслов. По мнению последнего «в языке может быть выражено только универсальное, принципиально доступное для понимания всех разумных существ» [8, 56]. Эта точка зрения игнорирует как принципиально иные «логики культуры» [13] существующих цивилизационных образований, так и различия в грамматике их языков (что существенно влияет на ход мыслей) или системах обычного права, порой веками не принимавших вводимых «прогрессивных» нововведений. Причина такого положения дел – гегемония неолиберального универсалистского консенсуса, прочно утвердившегося в отечественном обществоведении и пронизывающего не только научный, но и обыденный российский дискурс.

С 2019 г. в рамках исследовательской мега-темы «Российский проект цивилизационного развития» в Институте философии РАН под руководством А.В. Смирнова в русле его концепции о различных логиках смысла, присущих локальным цивилизациям, не утихает спор между сторонниками универсалистской и мультицивилизационной парадигм, в рамках которого, несмотря на самые убедительные аргументы мультицивилизационщиков, универсалисты не «сдают» своих позиций. Наложение «полей» и взаимовлияние дискурсов, не позволяющее им этого сделать, можно представить себе примерно так.

Внутри различных типов цивилизационных логик культуры присутствует научный тип дискурса, существующий во взаимовлиянии с обыденным мышлением и имеющий пересечения с аутентичной философией. На каждый из них накладывается западный рационалистический тип культуры и мышления, уже отказавшийся от религиозной компоненты, впитавший в себя достижения науки и философии иных цивилизаций и являющийся на сегодняшний день доминирующим. Вся эта система различных цивилизационных логик культуры (имеющих порой значительные пересечения) погружена в гегемонию либерального дискурса, доминирующего в глобальном масштабе в рамках не только научного, но и обыденного дискурса.

В данной ситуации оказать достойное сопротивление подобной гегемонии могут только те исследователи-обществоведы, которые сохранили структуры мышления, хоть как-то связанные с локальной культурой. Однако взаимные пересечения и наложения дискурсов привели к парадоксальной ситуации, когда нелиберальный научный дискурс оказывается повсеместно маркирован как ненаучный, идеологизированный, вследствие чего его носители «выдавливаются» из научной среды. А существующая в Российской Федерации система обучения в настоящее время полностью исключает возможность подготовки нелиберально мыслящих кадров. Так, например, школьный курс обществознания был сформирован исключительно в рамках либерального дискурса. Недавнее введение развёрнутых типов ответов в ЕГЭ по истории и обществознанию ничего не изменило: эксперты начисляют баллы только за стандартные формулировки, предусмотренные в качестве «правильных». В науке критические исследования поощряются во всём, что разрушает локальную традицию, а не либеральный гегемонизм.

При совмещении методологии двух магистральных направлений критических дискурсивных исследований, применив в рамках «контекстуалистской» методологии Муфф-Лакло инструменты, предложенные К. Хартом, легко убедиться в том, что из-за доминирования глобального нелиберального консенсуса социальные науки в настоящее время выполняют, в основном, идеологическую функцию, представляя, например, глобализацию, либерализацию, дегуманизацию (в т.ч. снижение социальной ответственности государства) и другие тренды текущего момента как объективные и безальтернативные процессы. Разработка аутентичного локально-цивилизационного наполнения ключевых категорий общественных наук и немедленное внедрение этих результатов в образовательный процесс может способствовать преодолению последствий гегемонистского дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 3 (77). – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> (Дата обращения: 01.09.2022).
2. *Ван Дейк Т.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации: Пер. с англ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.

3. Витгенштейн Л. Избранные работы. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005. – 440 с.
4. Грамши А. Тюремные тетради. В 3 ч. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1991. – Ч. 1 – 564 с.
5. Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. / Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. Т. 1: Введение в науки о духе: Опыт полагания основ для изучения общества и истории / Пер. с нем. под ред. В.С. Малахова. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. – 762 с.
6. Кун Т. После «Структуры научных революций». – М.: АСТ, 2014. – 448 с.
7. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию: Избр. ст., докл., выступ., интервью. – М.: Прогресс, 1992. – 416 с.
8. Маслов Д.К. Витгенштейн и Гегель // Эпистемология и философия науки. – 2022. – Т. 59. – № 1. – С. 51-57.
9. Муфф Ш. Витгенштейн, политическая теория и демократия // Логос. – 2003. – № 4-5 (39). – С. 153-165.
10. Никифоров А.Л. Философия и история науки. – М., 2008. – 176 с.
11. Понпер К. Логика и рост научного знания (избранные работы). – М.: Прогресс, 1983. – 605 с.
12. Радаев В. В. Кому принадлежит власть на потребительских рынках. – М.: НИУ ВШЭ, 2011. – 384 с.
13. Смирнов А. В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое / А.В. Смирнов. – М.: ООО «Садра»; Издательский Дом ЯСК, 2019. – 216 с.
14. Стёпин В.С., Горюхов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. – М.: Гардарики, 1999. – 399 с.
15. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / Пер. с англ. А.Л. Никифорова. – М.: АСТ; Хранитель, 2007. – 413 с.
16. Bernstein R.J. *Beyond objectivism and relativism: Science, hermeneutics, and praxis*. – Chicago: University of Pennsylvania Press, 1983. – 330 s.
17. Chilton P. *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. – London: Routledge, 2004. – 241 с.
18. Hart C. Construal Operations in Online Press Reports of Political Protests // *Contemporary Critical Discourse Studies* / C. Hart and P. Cap (eds). – London: Bloomsbury, 2014. – P. 167-188.
19. Kress G., van Leeuwen T. *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. – London: Routledge, 1996. – S. 15-26.
20. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. – Verso, 2001. – 198 p.
21. Langacker R. *Cognitive Grammar: A Basic Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2008. – 574 s.
22. Reisigl M., Wodak R. *Discourse and Discrimination: Rhetorics of Racism and anti-Semitism*. London: Routledge, 2001. – 312 s.
23. Widdowson H. *Text, Context, Pretext: Critical Issues in Discourse Analysis*. – Oxford: Blackwell, 2004. – S. 6-23.

BIBLIOGRAPHY

1. Altyusser L. Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlya issledovaniya) // Neprikosnovennyi zapas. – 2011. – № 3 (77). – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> (Data obrashcheniya: 01.09.2022).
2. Van Deyk T. Diskurs i vlast: Rerezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii: Per. s angl. – М.: Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2013. – 344 s.
3. Vitgenshteyn L. Izbrannye raboty. – М.: Izd. dom «Territoriya budushchego», 2005. – 440 s.
4. Gramshi A. Tyuremnye tetradi. – М.: Izd-vo polit. lit-ry, 1991. . – Т. 1 – 564 с.
5. Diltey V. Sbranie sochineniy v 6 tt. / Pod red. A.B. Mikhaylova i N.S. Plotnikova. T. 1: Vvedenie v nauki o dukhve: Opyt polaganiya osnov dlya izucheniya obshchestva i istorii / Per. s nem. pod red. V.C. Malakhova. – М.: Dom intellektualnoy knigi, 2000. – 762 s.
6. Kun T. Posle «Struktury nauchnykh revolyutsiy». – М.: AST, 2014. – 448 s.
7. Mamardashvili M. K. Kak ya ponimayu filosofiyu: Izbr. st., dokl., vystup., intervyyu. – М.: Progress, 1992. – 416 s.
8. Maslov D.K. Vitgenshteyn i Gegel // Epistemologiya i filosofiya nauki. – 2022. – Т. 59. – № 1. – S. 51-57.
9. Muff SH. Vitgenshteyn, politicheskaya teoriya i demokratiya // Logos. – 2003. – № 4-5 (39). – S. 153-165.
10. Nikiforov A.L. Filosofiya i istoriya nauki. – М., 2008. – 176 s.
11. Popper K. Logika i rost nauchnogo znaniya (izbrannye raboty). – М.: Progress, 1983. – 605 s.
12. Radaev V. V. Komu prinadlezhit vlast na potrebitelskikh rynkakh. – М.: NIU VSHE, 2011. – 384 s.

13. Smirnov A.V. Vsechelovecheskoe vs. obshchechelovecheskoe / A.V. Smirnov. – М.: ООО «Sadra»; Izdatelskiy Dom YASK, 2019. – 216 s.
14. Stepin V.S., Gorokhov V. G., Rozov M.A. Filosofiya nauki i tekhniki. – М., 1999. – 399 s.
15. Feyerabend P. Protiv metoda. Ocherk anarkhistskoy teorii poznaniya / Per. s angl. A.L. Nikiforova. – М.: AST; KHRanitel, 2007. – 413 s.
16. Bernstein R.J. Beyond objectivism and relativism: Science, hermeneutics, and praxis. – Chicago: University of Pennsylvania Press, 1983. – 330 s.
17. Chilton P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice. – London: Routledge. 2004. – 241 s.
18. Hart C. Construal Operations in Online Press Reports of Political Protests // Contemporary Critical Discourse Studies / C. Hart and P. Cap (eds). – London: Bloomsbury, 2014. – P. 167-188.
19. Kress G., van Leeuwen T. Reading Images: The Grammar of Visual Design. – London: Routledge, 1996. – S. 15-26.
20. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. – Verso, 2001. – 198 p.
21. Langacker R. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2008. – 574 s.
24. Reisigl M., Wodak R. Discourse and Discrimination: Rhetorics of Racism and anti-Semitism. London: Routledge, 2001. – 312 s.
25. Widdowson H. Text, Context, Pretext: Critical Issues in Discourse Analysis. – Oxford: Blackwell, 2004. – S. 6-23.

Примечания

1. Яркий пример тому – Александр Зиновьев и его социологические романы.
2. Так, Антонио Грамши обращается к проблеме воспроизводства социального неравенства, в т.ч. на уровне повседневных практик, вследствие культурной гегемонии правящего класса [6], и результаты его междисциплинарного анализа становятся отправной точкой для очередного витка развития социального знания.
3. Не исключая, конечно, и других профессиональных сфер, функционирующих в жестких границах капиталистического разделения труда.
4. Аналогичные мысли посещали Николая Данилевского, который обращал внимание на влияние «английского способа мышления» на теорию Чарльза Дарвина.
5. Используемые в рамках рассматриваемого подхода обозначения наиболее близки терминам, применяемым кинооператорами и фотографами.
6. Многие используемые здесь термины (в т.ч. «образ-схема») являются общепринятыми для когнитивной лингвистики категориями, имеющими набор классических определений. В то же время они понятны и как метафора.
7. А также силовики и вооружённые сепаратисты, штурмовые спецподразделения и террористы и т.д.
8. Сама идеологическая интерпретация может быть обусловлена вполне прагматическим интересом. Так, участники всевозможных «цветных» революций на постсоветском пространстве с подачи глобальных СМИ воспринимаются как поборники демократии, тогда как сторонники Трампа, штурмовавшие Капитолий, – напротив, как её разрушители. В случае с международным признанием суверенитета граждане Косово почему-то трактуются как самоопределившийся народ, а граждане ДНР и ЛНР – как сепаратисты и т.д.
9. Следует учитывать, что данная методика разрабатывалась на базе английского языка и отнюдь не универсальна. При её использовании применительно к русскоязычным текстам требуется серьёзная адаптация, ввиду его специфики (отсутствия жестко зафиксированного порядка слов в предложении, делающего все эти рассуждения не совсем релевантными).

Поступила в редакцию 14.08.2022 (№ 2508)